

Золотая серия

В золотую серию входят лучшие
книги издательства ББИ,
ставшие классикой и
пользующиеся любовью

читателей в России.

The Orthodox Liturgy

THE DEVELOPMENT OF THE
EUCCHARISTIC LITURGY
IN THE
BYZANTINE RITE

Hugh Wybrew

СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

Хью Уайбру

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ

Развитие евхаристического богослужения
византийского обряда

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

М О С К В А

УДК 264
ББК 86.372
У 13

Перевод: Александр Дорман
Научный редактор: Петр Сахаров
Литературный редактор: Наталья Трауберг
Верстка: Светлана Опарина
Обложка: Антон Бизяев

Уайбру Х.

Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения византийского обряда / Пер. с англ. (Серия «Современное богословие»). – 4-е изд. – М.: Издательство ББИ, 2012. – xii + 214 с.

ISBN 978-5-89647-289-6

Книга представляет собой научное исследование православной литургии: рассматриваются историческое развитие евхаристического богослужения в православном мире, символика литургического действия и архитектурного пространства храма, богословское значение обряда и богослужебных текстов. Книга адресована преподавателям, студентам, священнослужителям, катехизаторам, а также всем, кто хочет открыть для себя мир православного богослужения.

Генеральный
информационный партнер
– Портал Pravkniga.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

- © Hugh Wybrew, 1989
- © The Society for Promoting Christian Knowledge, 1989
- © Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2000, 2006, 2008
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Предисловие (<i>Митрополит Диоклийский Каллист</i>)	vii
Предисловие к первому русскому изданию	ix
Предисловие к третьему русскому изданию	xi
Вступление	1
1. Евхаристические богослужения Запада и православная литургия	3
2. Источники традиции	17
3. IV в.	32
4. Евхаристия в Константинополе во времена Иоанна Златоуста	54
5. Литургия во времена Максима Исповедника	78
6. Литургия после победы иконопочитания	118
7. Византийская литургия в XI в.	148
8. Завершающая стадия становления литургии	165
Эпилог	195
Жизнь Христа: символизм в литургии (сравнительная таблица)	204
Библиография	206
Список иллюстраций	208
Предметный и именной указатель	210

Предисловие

Церковь — для чего она? Какова присущая ей одной, отличающая ее от всех функция, каково дело, которое делает только она, а никто другой делать не может? При всей невозможности дать исчерпывающий ответ, скажем с уверенностью одно: церковь нужна для того, чтобы совершать евхаристию. Церковь — евхаристический организм, становящийся воистину самим собою только тогда, когда совершается божественная литургия. Именно это главное явление церковной жизни описывает в своей книге англиканский священник, в свое время — настоятель иерусалимского англиканского прихода. Шаг за шагом он прослеживает историческое развитие евхаристического богослужения на христианском Востоке и не только излагает этот процесс в простой манере и легким для чтения стилем, но ярко и наглядно воспроизводит живое ощущение богослужений, дает почувствовать, как они проходили в разные исторические периоды с апостольских времен до наших дней. Перед вами научное исследование, основанное на тщательном прочтении обширного материала; но результаты этого исследования представлены в виде, доступном и неспециалисту. Хью Уайбру не только воспроизводит слова и действия, составляющие собственно обряд, но рассматривает и архитектурное пространство, в котором служится литургия, и ее внутреннюю символику, и связанное с ней богословие.

Византийцы говорили, что церковь во время богослужения — это «земные небеса, где живет и движется небесный Бог». Именно это видение «неба на земле» тысячу лет тому назад привело в христианство русских. Автор искусно передает живое, динамичное значение евхаристии для православного мира — греческого, румынского, славянского. И во всем, что он пишет, ощущается его глубокая любовь

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ

к литургии — а он знает ее, что называется, из первых рук, из собственного опыта. Давно уже назрела необходимость во вступительном труде, в котором ясность общей картины сочеталась бы с отчетливо выписанными деталями, а любовь к предмету — с критическим к нему подходом. Эту книгу высоко оценят христиане и Запада, и Востока.

Митрополит Диоклийский Каллист

Предисловие к первому русскому изданию

Эта книга была первоначально написана для христиан из неправославных церквей. Среди западных христиан наблюдается большой интерес к Православной церкви, многие из них имеют некоторый опыт участия в православном богослужении, и особенно в Божественной литургии. Задачей этой книги было помочь им понять, как литургия приобрела свою нынешнюю форму, и как она понималась в самой Православной церкви. Книга описывает совершение евхаристии, как последовательные стадии развития, от Тайной Вечери до наших дней; при этом представлена не только сама форма литургии, но и та архитектурная и иконографическая обстановка, в которой она совершалась, а так же различные — богословские и духовные — пути ее восприятия.

Обряд, архитектура и толкование составили в Православной церкви такую традицию евхаристического богослужения, которая существенным образом отличается от западной традиции, традиции католиков, англикан и протестантов. Для экуменических отношений важно, чтобы западные христиане понимали развитие восточной традиции, не в последнюю очередь традиции богослужения. Я писал свою книгу не для специалистов, а для обычных христиан, как мой вклад в движение к христианскому единству.

После того, как она была впервые опубликована в 1989 году, ее нашли для себя полезной также и англоязычные православные христиане, включая студентов богословия, и в 1991 году она была издана Свято-Владимирской семинарией в Нью-Йорке. Для меня большая честь и источник глубокого удовлетворения, что теперь

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ

она переведена на русский язык и доступна русским православным христианам. Мои первые контакты с православием были в русском православном приходе в Лондоне, а затем в Оксфорде. Окончив факультет богословия Оксфордского университета, я провел учебный год как стипендиат от Всемирного совета церквей в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Там я принимал участие в ежедневных богослужениях. Я начал чувствовать себя на православном богослужении, как дома. Позднее, когда я преподавал в Оксфорде, я регулярно пел в хоре здешнего прихода Русской православной церкви.

Я глубоко благодарен Библейско-богословскому институту св. ап. Андрея за то, что они предприняли перевод и публикацию моей книги. Выражаю надежду, что это будет полезно как студентам богословия, так и мирянам в стремлении углубить понимание и восприятие традиции своей церкви. Надеюсь также, что публикация книги «Православная литургия» на русском языке станет еще одной связующей ниточкой между Англиканской и Русской православной церквами, чтобы вместе они могли работать и молиться ради единства всех христиан, в соответствии с волей Христа.

Отец Хью Уайбру
Оксфорд, 2000

Предисловие к третьему русскому изданию

Я благодарен Библейско-богословскому институту св. апостола Андрея и его ректору д-ру Алексею Бодрову за предложение написать предисловие к третьему русскому изданию моей книги о православной литургии. Как я уже говорил в предисловии к первому изданию, я писал эту книгу для христиан других традиций, желавших узнать больше о православном богослужении, и, в частности, о развитии православного евхаристического обряда. Я был приятно удивлен и весьма доволен, узнав, что книга, написанная англиканским священником, получила признание и среди православных читателей и, не в последнюю очередь, студентов православного богословия. Она была переведена на болгарский, сербский и грузинский языки, планируется перевод на украинский. Это уже третье издание русского перевода, и я счастлив, что моя книга пользуется таким спросом в России.

Мой первый опыт знакомства с православной Божественной литургией был в 1963 году. Тогда Русская православная церковь праздновала пятидесятилетие епископской хиротонии своего патриарха Алексея I. В тот момент он был единственным иерархом в России, рукоположенным до революции 1917 года. Церковь Англии представлял епископ Винчестера Фолкнер Эллисон, и он пригласил меня быть его капелланом во время празднований. Празднования продолжались неделю, и их программа включала в себя совершение литургии в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в городе, называвшемся тогда Загорск. Многие тысячи православных верующих пришли на эту литургию, и я был глубоко впечатлен их

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ

участием в пении Символа веры и молитвы господней, а также песнопений в честь преп. Сергия. На этой службе, и на всех службах, на которых мы присутствовали, было совершенно очевидно молитвенное благоговение верующих.

Личное, молитвенное участие в Божественной литургии существенно важно в жизни всех христиан. И православная, и англиканская традиции учат, что основная форма молитвы для верующих — это литургическая молитва церкви, и что в центре этой молитвы находится евхаристия. Каждый из нас должен научиться воспринимать литургическое богослужение церкви, как нечто личное, внутреннее, сделав его частью нашей духовной жизни. В то же самое время евхаристия подпитывает личную молитву христиан, а та, в свою очередь, вливается в общую литургическую молитву церкви. Личная молитва, и литургическая молитва церкви дополняют друг друга: обе необходимы для нашего роста в жизни Духа Святого, и роста жизни Духа Святого в нас.

В последние годы христиане познакомились с концепцией «литургии после литургии». Она относится к служению церкви миру в любви и личном самопожертвовании отдельных христиан к их братьям и сестрам. Это цель как евхаристического богослужения, так и личной молитвы, молитвы от сердца, каждого христианина. Как заметил архиепископ Тиранский и Албанский Афанасий, «литургия должна продолжаться во всех личных и ежедневных ситуациях. Каждый верующий призван совершать свою личную литургию на тайном престоле своего собственного сердца, чтобы стать живым провозвестником Благой Вести ради жизни в мире. Церковная литургия неполна без такого продолжения». Если эта книга поможет верующим в России полнее участвовать в Божественной литургии, и сделать ее источником и кульминацией их личной молитвы, я буду более чем удовлетворен.

Отец Хью Уайбру
Оксфорд 2007

Вступление

Православная литургия вошла в мой христианский опыт еще тогда, когда я был студентом Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Впоследствии я регулярно посещал службы в русском православном приходе в Оксфорде. Потом я два года служил капелланом в бухарестском храме Воскресения Христова и часто ходил на службы в храмы Румынской православной церкви, а во время своих пастырских посещений Софии и Белграда — на болгарские и сербские православные богослужения. Православная литургия стала для меня не менее — а иногда и более — близкой, чем англиканская или католическая. Я глубоко признателен всем православным общинам, с которыми вместе молился, за все, что я от них узнал.

Уже очень давно мне хотелось понять, каким образом литургия стала такой, какая она сейчас. Еще в Оксфорде, изучая богословие, я приучился пристально всматриваться в развитие христианского предания, изыскивать влияющие на него факторы. Такой подход характерен скорее для западного христианства, но я надеюсь, что мои православные друзья простят мне эту попытку проследить эволюцию богослужебного действия, даже если сами считают, что «копаться» не стоит и принимают богослужение как оно есть. Эта работа преследует одну цель — я хочу, чтобы люди лучше поняли богослужение как главное и центральное событие в жизни той церкви, у которой есть чем поделиться с христианской Церковью в целом.

Я написал ту книгу, которую мне надо было бы прочесть, когда я начал изучать литургию. Она ни в коей мере не предназначается для специалиста по истории христианского богослужения вообще или православной традиции в частности и нацелена на тех, у кого есть определенный литургический опыт и кто интересуется формой и содержанием литургии. Я постарался обрисовать ее историю,

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ

представляя себе и читателю, что это, собственно, такое — участвовать в евхаристии православного Востока, как ее служили на каждой из стадий ее становления, то есть на тех, о которых у нас имеются исторические свидетельства.

Богослужение — гораздо больше, чем следование некоторой форме церковной службы. Контекст, в котором произносятся слова соответствующего обряда, никак не менее важен, чем сам текст. В контекст же этот входят и помещение, в котором происходит служба, и его обустройство и убранство, и последование обряда (собственно, способ священнодействия), и звучащая при этом музыка, и то, как собравшиеся понимают — явно или интуитивно — что происходит. Мне хотелось нарисовать общую картину литургии на каждой стадии ее становления, учитывая все эти составляющие. Немало деталей неизбежно выпало из поля моего внимания; их можно найти в книгах, которым я обязан всем, что знаю, и из которых я почерпнул материал. Они приведены в библиографическом указателе, и авторам их я приношу глубокую благодарность.

Я благодарю епископа Диоклийского Каллиста, который написал предисловие и предложил много усовершенствований в тексте. Я чрезвычайно признателен отцу Мишелю ван Парису и бенедиктинской общине в Шевтони (Бельгия), приютивших меня на три с половиной месяца в 1981 г., когда я взял в своем приходе (Пиннере, графство Мидлсекс) отпуск для научной работы. Там, в идеальной обстановке, сочетающей богатые источники бенедиктинской учености с православным богослужением в византийском храме, я завершил черновой вариант книги. Кроме того, я обязан поблагодарить миссис Молли Спирс, мою иерусалимскую помощницу, которая с большим терпением и умением напечатала текст.

Эта книга посвящается покойной Энн Пэннингтон из Леди Маргарет-холла в Оксфорде, преданному другу Православной церкви и при этом — истой англиканке. Она подвигла меня взяться за работу, и ее вдохновляющее влияние помогло мне ее завершить.

Хью Уайбру

Иерусалим, февраль 1988 г.

1. Евхаристические богослужения Запада и православная литургия

В западных церквях известно много способов совершения евхаристических богослужений. Каждой из христианских традиций — католической, англиканской и всему множеству протестантских — присущ свой, особый характер богослужения, а в каждой из церквей наблюдается, кроме того, широчайшее разнообразие стилей. Но любой христианин Запада, знакомый с евхаристией в том виде, как ее служат в его церкви, не слишком растеряется, попав на службу, проводимую в контексте другой традиции. Благодаря движению за литургическое обновление стали пересматривать формы евхаристического богослужения в католической, англиканской и многих протестантских церквях, а потому — значительно сблизилась и формы службы, и методы ее, и стили. Различия в деталях сохранились, но результаты реформ — а они, в свою очередь, стали итогом глубокого изучения первых веков истории церкви и ее богослужения — испытали на себе все церковные традиции, хотя, конечно, одни приходы воспринимают нововведения с энтузиазмом, другие — не слишком пылко.

Для западного христианина привычна служба с простой и ясной структурой. За кратким вступлением, зачастую покаянного характера, следует Литургия Слова, чтения Писания и псалмы которой возвещают Благоую весть христианства. Чаще всего тема получает развитие и объяснение в проповеди. По воскресеньям, а иногда — и в будние дни, произносят Никейский символ веры. Затем собравшиеся возносят молитвы за церковь и за весь мир. Заповедь Господа «Сие творите в Мое воспоминание» исполняется в Евхаристической

Литургии. Вносят и ставят на алтарь* хлеб и вино, и над ними проносится благодарственная, то есть собственно Евхаристическая, молитва. Вслед за этим звучат слова Молитвы Господней, и почти все присутствующие принимают освященные хлеб и вино в святом причащении. Служба оканчивается кратким завершением и опустом. Это короткая служба, она длится не дольше часа — даже когда проводится торжественно, с музыкой и пением.

Но не торжественность, а скорее простота чаще всего оказывается характернейшим признаком современной западной литургии. Из всего ее последования выбирается лишь тот минимум, который совершенно необходим. Излишних передвижений и жестов избегают, чтобы они не затеняли сущностной структуры и общего движения службы. Обстановка, как правило, тоже проста. Современные храмы тяготеют к простоте архитектуры, скромности убранства и украшений, подчеркивая, что храм — лишь место, где собирается живая церковь, но где она может собираться и для других целей, а не только для богослужения. Алтарь напоминает обеденный стол, за которым ученики Господа продолжают трапезу, когда-то начатую Иисусом и Двенадцатью учениками. Алтарь — фокус, на нем концентрируется вся служба, и роль эту делит с ним амвон, откуда церковь насыщают словом Божиим в Писании как в таинстве. Особыми облачениями обычно пользуется только тот, кто собственно служит, а чтецы и другие непосредственные участники могут быть

* Стоит, пожалуй, объяснить русскому читателю, что *алтарем* по-английски, как и в других языках, называют то, что в русской православной традиции именуют *престолами*, то есть священный стол, на котором совершается евхаристическая жертва. Собственно, в исходном значении это слово тоже употребляется — особенно вне контекста православно-церковного обихода (напр. «Принести жертву на алтарь Отечества»). Для алтаря же, как его понимают в русской традиции, — пространства, в котором расположен престол, — применяется слово, означающее «*святителище*», «*святая святых*». Чтобы избежать неразберихи, мы в дальнейшем будем пользоваться «православной» терминологией, более привычной для русскоязычного читателя («престол» и «алтарь»), в текстах, относящихся к обустройству храмов, находящихся непосредственно в русле исторического православия. Говоря же о западных церквях, мы будем пользоваться более органичной для них терминологией («алтарь» и «святителище» или «пресвитерий»). /Прим. пер./

одеты обычно, как в быту. Иногда даже священник едва выделяется одеждой из среды прихожан. Это модное увлечение простотой ведет к тому, что не всегда легко отличить католическую службу от англиканской или протестантской.

Еще более яркая отличительная черта современной западной евхаристии — то, что в службу вовлечена вся церковь. От молящихся ожидают, что они целиком и полностью включатся в богослужение; а помогает им в этом строго соблюдаемое правило — на возгласы священника отвечает все молитвенное собрание. Используемый в современном обряде язык прост и прямолинеен — люди хотят сразу все понимать. Тексты Писания и молитвы часто читают простые прихожане, они же помогают преподавать святыя дары. Новые храмы строят, а старые — переоборудуют так, чтобы как можно теснее соединить народ с алтарем и со священником. Евхаристию должны и видеть, и слышать — несмотря на все еще сохраняющиеся различия между священником и народом, активно служит ее именно народ. Особая важность придается участию прихожан в самом средоточии службы — в причащении. На католической мессе ничуть не меньше, чем в англиканском или протестантском евхаристическом богослужении, ожидают, что причастятся все. Участие в таинстве — не просто неразрывная часть евхаристии; это ее наивысшая точка.

Христианин Запада, привычный к такой форме и такому стилю евхаристического богослужения, придя в православный храм на божественную литургию, оказывается в ином мире. Сначала он входит в церковь, форма, убранство и украшение которой не только подчинены традиции, но обладают, как считается, собственной значимостью, вполне независимой от значимости обряда, для которого их создавали. Пройдя через внутреннее крыльцо, или нартекс, он оказывается в нефе, имеющем форму не привычного прямоугольника, а квадрата, совершенно пустого, если не считать нескольких стульев, предназначенных для больных и слабых. Он поднимает голову, и с высоты центрального купола на него величественно смотрит Христос Вседержитель. Вокруг поддерживающего купол барабана — пророки, апостолы, ангелоподобные исповедники, а на окружающих

купол сводах и на верхах нефных стен — херувимы и серафимы, четверо евангелистов, сцены из жизни Христа; из сцен этих обычно выделяются те, что отмечены в церковных календарях. Ниже по стенам предстают изображения монахов и аскетов, мучеников и воителей, исповедников и учителей; сонм святых окаймляет собою и как бы включает в себя все молитвенное собрание.

Сзади, на западной стене нефа, изображено «Успение» Девы Марии, а на восточной его стороне возвышается украшенная иконами преграда (иконостас), отделяющая алтарь от нефа. Она может быть сравнительно низкой, а может и доходить до самого свода. В центре ее — двойная дверь, по бокам — одинарные. На высоком иконостасе, как правило, воспроизведены темы фресковых или мозаичных украшений нефа. Справа от центральной двери, или царских врат, располагается образ Христа Вседержителя, слева — Божьей Матери с младенцем Христом. На самих царских вратах изображено Благовещение, а на южных и северных — архангелы Михаил и Гавриил или святые диаконы. Непосредственно над царскими вратами представлена Тайная вечеря. Второй ряд составляют иконы, изображающие спасительные деяния Христа в Его земной жизни, которым посвящены важнейшие праздники церковного календаря. Над ними, в третьем ярусе, располагаются апостолы, повернутые в молитвенном предстоянии к центру, где восседает на троне сам Христос, а по его сторонам — двое главных ходатаев за род человеческий, Пресвятая Дева и Иоанн Креститель. Бывает и четвертый ярус, на нем изображены пророки по обеим сторонам Девы с Младенцем, а весь иконостас осеняет крест с иконописным (объемных в храме нет) изображением распятого Господа с Девой Марией и евангелистом Иоанном по сторонам.

Когда царские врата открыты, в середине алтаря, как правило, выстроенного в виде полукруглой апсиды, молящиеся могут видеть богато убранный престол кубической формы; на нем стоят крест, подсвечники и ковчег, часто сделанный в виде храма, — в нем хранят освященный в евхаристии хлеб. Можно разглядеть и роспись алтаря. В самом низу — два ряда епископов, облаченных для литургии и обра-

ценных к престолу. Над ними у престола сам Христос причащает апостолов, одной рукой — освященным хлебом, другой — из чаши. С полусферического купола апсиды поверх престола в пространство нефа смотрит Богоматерь — изображение ее часто просматривается из нефа поверх иконостаса. Однако молящиеся скорее всего не увидят жертвенника, на котором готовятся евхаристические хлеб и вино и доступ к которому открывается через северные ворота иконостаса. Не увидят они и его росписей, изображающих рождение, смерть и погребение Христа. Не смогут они заглянуть и в южную часть апсиды, служащую ризницей.

Типичный православный храм со всеми его лампадами, свечами и всепроникающим запахом ладана настолько отличается от привычной западному человеку атмосферы богослужения, что он, этот человек, уже не очень удивляется, когда узнает, что у православных принято считать таинством сам храм. Храм — несравненно больше, чем место, где проводят молитвенное собрание; он — образ неба на земле. Если нижние части нефа изображают видимый мир, то купол, а тем более алтарь — символы неба, где ангелы, архангелы и все силы небесные поклоняются триединому Богу, Христос приносит себя Отцу в вечную жертву любви, и в эту жертву вовлекается каждый самым участием в литургии, которая в духовной реальности прославляет то, что храмовое сооружение возвещает в образе таинства.

Западный христианин замечает, что ему православный храм внушает священный трепет, а православные чувствуют себя там уютнее, чем сам он чувствует себя в своей привычной, гораздо более простой обстановке. Входя в храм, они обходят его кругом, целуют иконы, зажигают перед ними свечи, молятся. Они могут поднести к северным воротам маленькую круглую булочку, именуемую «просфорой» (т.е. «приношением»), и передать ее вместе с поминальным списком живых и умерших диакону или алтарнику. Атмосфера в церкви исполнена благочестия и в то же время неформальна, чему в большой мере способствует то, что в этих храмах (если не считать некоторых греческих) нет составленных в ряды

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ

сидений. В западных церквях так бывает редко — как правило, там стоят скамьи или стулья.

Но вот начинается божественная литургия, и, по мере того как она разворачивается, в ней так или иначе начинает проявляться та иератическая формальность, которой все больше противятся церкви Запада. Служба обходится без непосредственного участия прихожан. Должно пройти некоторое время, прежде чем стоящие в нефѣ ощутят, что вот-вот начнут служить во всеуслышание. Уже примерно час священник совершает на жертвеннике обряд Проскомидии, подготавливает хлеб и вино. В западных обрядах эквивалента этому нет. Но и когда начинается литургия во всеуслышание, для всех, поют ее по преимуществу (или исключительно) священнослужители и певчие; поют, ибо вся православная литургия поется и существующего на Западе различия между разговорной и певческой формой службы эта церковь не знает. Мало что в православном богослужении изумляет западного христианина сильнее, чем почти полное молчание прихожан. Он-то воспитан на мысли, что участие в богослужении именно и означает участие в пении, в чтении гимнов и молитв. В некоторых православных приходах в последнее время люди стали иногда присоединяться к пению, но во многих поют только певчие и чтецы (читают здесь тоже нараспев).

Таким образом, западный христианин волей-неволей учится участвовать в службе, которая совершается как-то по-другому. На литургии невозможно присутствовать «с закрытыми глазами», как принято на Западе. Стоя всю службу на ногах (а иногда и на коленях), человек молится глазами, ведь каждый момент службы имеет свое особое значение. Молится он и разумом, внимая песнопениям и чтению. К молитве глаз и разума он может присовокупить молитву тела, часто осеняя себя крестным знамением в знак своей причастности к ходу литургии и ее содержанию; или кланяясь либо легким, либо земным поклоном. Ладан вовлекает в молитву обоняние, музыка — эмоции. Не успевает западный христианин освоить все эти способы участия в литургии, как на него обрушивается новое, еще более сильное потрясение: на приглашение к причастию откликается очень

мало народу, а то и совсем никто. Того, что для него естественно представляется вершиной, здесь может не быть. Вместо этого в самом конце его приглашают вместе со всеми отведать освященного хлеба, название которого — «антидор» — показывает, что он лишь заменяет святые дары.

Мало того, что западному христианину приходится учиться поновому участвовать в литургии, он еще должен разобраться в порядке следования («чине») службы, ведь тот существенно отличается от привычного. Если оставить в стороне Проскомидию, литургия состоит из двух частей — Литургии оглашенных (готовящихся к крещению) и Литургии верных. В целом они соответствуют Литургии Слова и Евхаристической Литургии, на которые делятся все современные евхаристические богослужения Запада; но хотя основная структура евхаристических обрядов на Западе та же, что и на Востоке, в процессе развития между ними появились важные различия.

Для западного человека привычно краткое вступление к Литургии Слова (Начальные обряды). Он может исповедать свои грехи и тем самым подготовиться к службе. После разрешения грехов, он поет *Kyrie* («Господи, помилуй»), или древний гимн *Gloria* («Слава в вышних Богу»), или и то, и другое. Начальные обряды завершаются краткой молитвой, и переходят к Чтениям. Православная литургия, напротив, начинается долгой последовательностью трех ектений, одной — длинной, двух — коротких, за каждой из которых следует антифон — псалом или какая-нибудь другая песнь. Единственная точка соприкосновения с западным обрядом — ответ «Господи, помилуй», или по-гречески «Кирие елейсон», откуда, собственно, и произошло *Kyrie* Запада. После третьего антифона — обычно это Заповеди блаженства — из северных врат иконостаса выходят священнослужители с Евангелием; пройдя через неф, они входят обратно в алтарь через царские врата. Следуют три рода песнопений: пригласительное, основанное на первом стихе 94 псалма* (*Venite*, «Приидите»); краткие гимны, предписанные на данный

* Нумерация Псалмов дается по синодальному переводу Библии. /Прим. ред./

день, — тропари и кондаки; наконец, *трисагион* (*Трисвятое*): «Святый Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас», которое христианин Запада мог слышать в своих обрядах поклонения кресту в Страстную пятницу. Пригласительное песнопение носит некое сходство со стихом псалма, который используется в западных обрядах как входной антифон или вступительный стих: всевозможные краткие песнопения литургии могут отличаться по форме и происхождению от кратких молитв западных служб, но цели, которым служат те и другие, не так уж несхожи. Однако Малому входу — так называется только что описанная процессия священнослужителей — в евхаристических богослужениях Запада очевидных параллелей просто нет.

Только когда начнут читать Писание, западный христианин почувствует себя более или менее уютно. Благодаря реформам последних лет ему стали привычны три Чтения — из Ветхого Завета, из Деяний или Посланий апостолов и из Евангелия. Между этими Чтениями он ожидает услышать отрывки из псалмов или гимны. В литургии он слышит только два Чтения; первое — всегда из Деяний или Посланий, второе — из Евангелия. И то, и другое читают нараспев. Между ними звучат стихи псалмов, рефреном поется аллилуйя. Наш западный христианин мог заметить, что еще до первого Чтения прозвучали стихи из псалма — и спросить себя, а было ли вообще чтение из Ветхого Завета? Проповедь следует за Чтениями далеко не всегда. Западный христианин удивится, а может — и порадует, что в структуре литургии не предусмотрено место для проповеди, хотя ее нередко и произносят в конце службы или, когда много священнослужителей, — во время их причащения.

Тут уже наш западный христианин несколько теряется. Его не удивляет, когда вслед за евангельским Чтением идет просительное моление в форме ектении. Для него привычно, что просительная молитва (т.н. Молитва верных) следует после чтения Писания и проповеди. Конечно, он может спросить, отчего прежде не читают *Credo* (Символ веры) как ответ собравшихся на провозглашение Слова Божьего; но он решительно озадачен, когда всех оглашенных

торжественно призывают удалиться и ни один не уходит, и когда всем верным предлагают снова и снова помолиться Господу, но помолиться не дают. Ничто в его опыте не указывает ему хоть на какой-нибудь ориентир. Привычный западный обряд не предлагает ему никакой подсказки, когда после первой части «Херувимской песни» торжественная процессия священнослужителей выносит через северные врата и, пронеся через неф, вносит обратно в алтарь приготовленные на Проскомидии хлеб и вино. Для него может быть привычной процессия с дарами, когда прихожане приносят стоящему у алтаря священнику хлеб и вино для евхаристии, а также денежные пожертвования прихожан. Но во время Великого входа литургии дары из одной части алтаря в другую переносят сами священнослужители, причем хлебу и вину оказывают такие почести, какие, как считается на Западе, надлежит воздавать только освященным дарам.

И правда, когда появляется процессия, люди крестятся и кланяются, многие становятся на колени или даже падают ниц перед чашей и дискосом под богато расшитыми покровами. Кое-где на пути несущего сосуды священника кладут на пол маленьких детей, и тот через них переступает. Тем временем священнослужители поминают главу своей церкви, правителей своей страны, больных, нуждающихся, усопших и так далее, и, наконец, присутствующих в храме и всех православных христиан. Благословив собрание дарами, служащие вносят их в алтарь через царские врата и помещают на престоле. Эти минуты, в которые православная литургия достигает пика своего церемониального блеска, не имеют, как и Малый вход, параллелей в евхаристических богослужениях Запада.

В отличие от процессии приношения даров в западной традиции, Великий вход не предшествует непосредственно Евхаристической молитве. За ним следует еще одна ектения, а за той — лобзание мира. При этом не совершается никакого приветствия мира ни между священнослужителями и народом, ни среди молящихся, только между самими священнослужителями. Западные христиане могут огорчиться, они привыкли к тому, что на любом евхаристическом богослужении, хотя и в разное время (у англикан — перед процессией

приношения даров и их освящением, у католиков — после освящения даров и перед причащением) люди целуют друг друга, или обмениваются рукопожатиями, или подают иной знак любви и мира. В литургии приветствию мира отведены мгновения, предшествующие Символу веры, а само его произнесение служит непосредственной подготовкой к Евхаристической молитве.

Эта молитва, называемая Анафорой (т.е. молитвой возношения), предваряется диалогом, схожим со вступительным диалогом Евхаристической молитвы западного евхаристического богослужения, с той разницей, что в том он начинается со слов «Благодать Господа нашего». Последний из ответов, «Достойно и праведно», здесь продолжительней, чем на Западе. К удивлению западного христианина, вслед за этим хор сразу же начинает петь *Sanctus* («Свят, свят, свят»). Первую часть Анафоры священник уже произнес неслышно за закрытыми воротами, возвысив голос только для того, чтобы пропеть вступительный возглас к *Sanctus*'у. Все прочие части молитвы читают точно так же — в ключевые моменты священник громко пропевает возглас, вслед за чем хор поет ответ, перекрывая тем самым чтение следующей части неслышной («тайной») молитвы. Единственные исполненные значимости слова, которые слышат собравшиеся, — слова Господа, относящиеся к хлебу и чаше. Это может оказаться знакомым лишь католику, который еще не забыл старой мессы, — он вспомнит, что до введенных Вторым Ватиканским собором реформ ее Канон тоже произносился тихим голосом, в то время как хор, если месса была петая, пел на искусно сочиненные мелодии *Sanctus* и *Benedictus* («Благословен грядущий во имя Господне»). Для современного христианина, воспитанного так, что он считает Евхаристическую молитву самой важной частью службы, с которой он должен слиться всей душой и всем разумением, совершенно непостижимо, чтобы ее произносили неслышно, а произносящий ее священник был скрыт иконостасом. Кое-где, впрочем, это изменили: в некоторых церквях царские ворота остаются открытыми на протяжении всей литургии и по крайней мере часть Анафоры произносится вслух.

За Анафорой следует ектения, которая первым делом посвящает освященные дары — хлеб и вино — Богу, а затем повторяет прошения, уже высказанные в предыдущей ектении, той, что пелась после Великого входа. Следом поется Молитва Господня. Возглас «Святая святым» и ответ на него знакомы по крайней мере некоторым из англикан. После того, как примут причастие священнослужители, к нему приглашается и народ. Сначала священник от лица подходящих к причастию произносит молитву, в которой исповедует веру, кается в грехах и просит, чтобы причащение принесло свои добрые плоды. Затем он на ложечке («лжице») подает причастникам хлеб с вином. Западный христианин может удивиться, увидев, что таким же образом причащаются младенцы на руках родителей. Причастие заканчивается, краткие хвалебные и благодарственные песнопения завершают литургию. Священник благословляет людей крестом, они подходят к нему, целуют этот крест и получают антидор.

Западный христианин, впервые пришедший на литургию, будет поражен множеством различий — и в структуре, и в деталях — между службой православной церкви и его собственной. Если он изучит весь текст литургии и поинтересуется, как понимают ее сами православные, то самое большое впечатление на него произведут две особенности, не имеющие аналогов в его опыте.

Во-первых, литургия выглядит как две службы, идущие одновременно. Одну из них совершают священнослужители в алтаре, и в значительной своей части она не видна и не слышна стоящим в нефе. В нее входят: вся Проскомидия; молитвы, сопровождающие ектении; другие молитвы, часть которых — личные молитвы священнослужителей, другие же вливаются в структуру обряда; наконец, и самое главное, Анафора — самая важная молитва всей службы. Вторая служба видна и слышна собравшимся, и проводит ее по большей части диакон, стоящий у царских врат. В нее входят: антифоны и ектении; песнопения; Чтения; Великий и Малый входы; Символ веры; ответствия, особенно на Анафоре; Молитва Господня и причащение; наконец, завершающие молитвы и раздача антидора.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ

В некоторых точках эти две службы совпадают — при Чтениях, на Символе веры и Молитве Господней; в других переплетаются: словесно — частыми благословениями и возгласами после тайных молитв, произносимыми священником из алтаря, зримо — процессиями и частым появлением священнослужителей у царских врат. И все же западному христианину представляется, что стоящие в нефе люди лишь пассивно присутствуют при самой важной части службы, происходящей за иконостасом, внимание же их занято второстепенными песнопениями. Он не может побороть ощущение, что литургию служат для людей, но не служат сами люди.

Во-вторых, почти в каждое действие люди вкладывают символический смысл. Это проявляется в самом тексте, сильнее всего — в Проскомидии. Хлеб и вино необходимо подготовить, но не просто, а так, чтобы во всем, что сказано и сделано, были представлены воплощение и страсти Христа. В основной части литургии это проявлено меньше. А вот когда хлеб и вино в конце Великого входа возлагают на престол, священник произносит некоторые тексты из песнопений Страстной пятницы и субботы; после того, как священнослужители причастятся, они читают некоторые из пасхальных текстов. Возложение даров на престол символизирует погребение Христа, а к началу причащения уже символически представлено Его воскресение.

Если наш западный христианин начнет вникать глубже, он узнает, что это только основные моменты в том толковании литургии, которое соотносит каждую ее часть с событиями земной жизни и служения Христа, более того — распространяет этот символизм на церковное здание и его убранство. Проскомидия символически представляет воплощение и рождество, но также — поскольку Он рожден, чтобы умереть за нас, — страдания и смерть. Поэтому жертвенник, на котором вершат Проскомидию, являет собою Вифлеем и Назарет, а также Голгофу. Антифоны в начале литургии представляют начало Его земной жизни, когда Он никому не был известен, а лишь предвозвещен в пророчествах. В обряде Малого входа Христос выходит на проповедь, и выносимое при этом

Евангелие символизирует его первое явление народу. Послания апостолов условно представляют их проповедь, а Евангелие — проповедь самого Христа. Великий вход символизирует его последний вход в Иерусалим на страдания и смерть, а возложение даров на престол — погребение, совершенное Иосифом Аримафейским и Никодимом. Сам престол — это гроб, покровы на чаше и дискосе — погребальные пелены. Воскресение символизируется, когда после Анафоры частицу освященного хлеба влагают в чашу; переносом же священных сосудов с престола на жертвенник после причастия представлено вознесение.

Таким образом, каждый раз, когда совершается литургия, перед взором народа проходит вся жизнь Христа. Да, мало кто принимает участие в таинстве, но все могут участвовать в службе, размышляя над спасительной тайной воплощения, страстей и прославления Господа. Западному христианину, приученному считать единственно приемлемой формой участия в службе участие именно в таинстве, это кажется странным. Католики же старшего поколения припомнят, что когда частое причащение еще не вошло в правило, их тоже учили размышлять на мессе о страстях Христовых, каждый эпизод которых представлен в действиях и текстах. Этой традиции следовали в равной степени, хотя и не без характерных для себя особенностей, и Восток, и Запад; но с тех пор как в Римско-католической церкви снова стало общим правилом часто причащаться, она сошла там на нет. В православном же толковании литургии, когда причащаются редко, она сохранилась по сей день.

Православная литургия дает христианам Запада опыт такого евхаристического богослужения, какому в своих собственных традициях они не могут приобщиться. Многих из них она привлекает. Обряды их собственных церквей обновлены и приближены к тому, что, как утверждает современная ученость, практиковала ранняя Церковь. Укорененные же в православной литургии принципы богослужения на их взгляд далеко расходятся с теми, что они привыкли считать главным. И все же многим она предоставляет глубокий молитвенный опыт.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ

Знакомство с православной литургией порождает у христиан Запада по меньшей мере два вопроса. Как вышло, что обряд, который претендует на то, чтобы быть прямым наследником традиции ранней Церкви, принял формы, так сильно отличающие его от раннехристианского богослужения? Не могут ли церкви Запада что-нибудь почерпнуть для себя в православной литургии? Все, изложенное в этой книге, посвящено ответу на первый вопрос; впрочем, есть и кое-какие попытки ответить и на второй.

